

М. С. Линдгрэн Вигелль

ПОДЛИННОСТЬ ПОНЯТИЙНОГО ТОЖДЕСТВА

Понятийный аппарат является ядром концептуализации мира, представленного в философских, научных и обыденных рассуждениях. Философские положения фиксируются, сообщаются и интерпретируются посредством понятийного аппарата, формирующегося на основе определения понятийных элементов, на которые в конечном итоге опирается истинность философских положений. Все понятийные элементы группируются вокруг некоего «нечто», являющегося одновременно определенным и определяющим по отношению к остальным понятийным элементам. Наши понятия (не только словесные) представляют собой попытки фиксировать элементы мира. Определение явления предопределено выделением понятийных элементов мира. Понятийный мир обрамляется условным единством понимания благодаря нашей неискоренимой коммуникативности. При этом его непреодолимо преобразующееся многообразие поддерживается нашим постоянно обновляющимся контекстуальным пониманием. Библиогр. 7 назв. Ил. 3.

Ключевые слова: определение, высказывание, понимание, понятие, предмет, элемент.

M. S. Lindgren Wigell

AUTHENTICITY OF CONCEPTUAL IDENTITY

The conceptual framework is the central part of our conceptualisation of the world, underlying our philosophical, scientific and common life perceptions. Philosophical propositions are fixated, communicated and interpreted through the conceptual framework, which is defined based upon the definition of conceptual elements, on which the validity of philosophical propositions is ultimately dependent. All conceptual elements are defined based upon “something”, which at the same time defines and is defined by all other conceptual elements. Our concepts (verbal as well as non-verbal) are attempts to capture the elements of the world. Definitions of phenomena are predetermined by the conceptual elements of the world. The conceptual world is framed by the relative unity of understanding through our ineradicable communication. At the same time, it retains its insuperably transforming variety due to our constantly renewed contextual understanding.

Keywords: definition, proposition, understanding, concept, object, element.

Проблематика понимания рациональных выражений глубоко укоренена в вопросе об определении понятийных элементов, лежащих в основе языковых высказываний. Под понятийным элементом здесь имеется в виду концептуальное «нечто», при определении которого образуется понятийное выражение.

Понятийный элемент можно было бы трактовать как сущность понятия, его фундаментальное ядро. В этом случае понятийный элемент образовывал бы понятие понятия, что наводит на мысль об «*Elementärsätze*» (элементарные пропозиции) раннего Витгенштейна.

Понятия можно разделить на словесные и концептуальные. При этом лишь первые могут служить предметом коммуникативной передачи. Поэтому при образовании словесной формы и интерпретации сообщаемого словесного понятия наше понимание остается в области словесных понятий. Дискурс о концептуальном понятии можно вести только словесными понятиями, которые тем самым выступают как внешняя сторона концептуальности.

Линдгрэн Вигелль Маттиас Стиг — кандидат философских наук, партнер, АБ «Заря партнерс», Швеция; mattias.lindgren@zaryapartners.com

Lindgren Wigell Mattias Stig — PhD in Philosophy, Partner, Zarya Partners AB, Sweden; mattias.lindgren@zaryapartners.com

Можно себя представить, что вербальное высказывание представляет лишь часть определенной мысли, а определенное письменное выражение составляет лишь часть вербального высказывания. При этом уровень понятийной объективности увеличивается по мере сужения понятийного поля, начиная с мысли и заканчивая письменным выражением. В качестве иллюстрации этого соотношения можно предложить следующую схему (рис. 1):

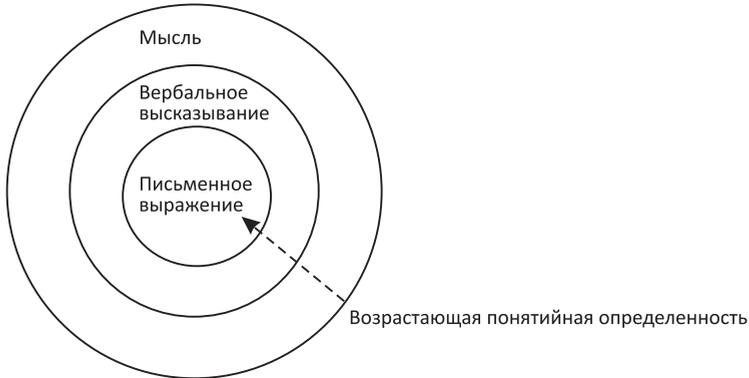

Рис. 1. Соотношение мысли, вербального высказывания и письменного выражения

Однако данное представление является ошибочным, потому что пренебрегает ролью неповторимой понятийной концептуализации при интерпретации словесных понятий. Вербальными высказываниями и письменными выражениями не являются раз и навсегда данные понятийные поля. Они интерпретируются мыслью, как мысль о вербальном высказывании мысли и мысль о письменном выражении мысли, притом что понятийная определенность не подвергается изменениям, так как эти три понятийных поля составляют не две части внутри одной всеобъемлющей мысли, а три разные понятийные сферы, лишь номинально объединенные одной мыслью (рис. 2).

Получается, что объект мысли — не отдельное от идеи содержание («*ideatum*» на языке Б. Спинозы: «*Idea vera (habemus enim ideam veram) est diversum quid a suo ideato. Nam aliud est circulus, aliud idea circuli*»¹ [1, p. 33]), а другая идея об идеях и т. д. У этого круга нет начала, а источник отдельных идей берется из всех других наших взаимоопределяемых идей.

Наша неспособность однозначно выделить определенное понятийное поле подобна непреодолимому затруднению, возникающему при попытке четко выделить определенное поле зрения. Фиксируя взгляд на некоем предмете в рамках центрального поля зрения, мы не в состоянии четко определить границы этого поля. В попытках определить некое минимальное четкое зрительное поле наш взгляд переходит от созерцаемого элемента на его окружение, которое тут же образует новые контуры, и нам остается лишь констатировать, что мы просто не можем остановиться на чем-

¹ «Истинная идея (ибо мы обладаем истинной идеей) есть нечто, отличное от своего содержания, одно дело — круг, другое — идея круга».

Рис. 2. Соотношение мысли, вербального высказывания и письменного выражения

то четко определенном, а всё, что наш взгляд старается зафиксировать, ускользает, сливаясь со своим окружением, и этот процесс бесконечен. Нет четкой грани между частью и целым, ибо мы не можем точно определить первую на фоне второго, постоянно ее поглощающего.

До тех пор, пока не осуществлено понятийное определение, картину мира можно было бы описать следующими словами Николая Кузанского: «*Quia igitur maximum absolute est omnia absolute actu, quae esse possunt, taliter absque quacumque oppositione, ut in maximo minimum coincidat, tunc super omnem affirmationem est pariter et negationem. Et omne id, quod concipitur esse, non magis est quam non est; et omne id, quod concipitur non esse, non magis non est quam est. Sed ita est hoc, quod est omnia, et ita omnia, quod est nullum; et ita maxime hoc, quod est minime ipsum*»² («*Apologia doctae ignorantiae*», Livre I, Capitulum IV [2, p. 10–11]).

Интересно было бы вообразить себе мир человека, который всю жизнь жил совершенно обособленно от других людей, без доступа к их общему определенному миру. Такому человеку приходилось бы самому совершать все определения понятий и самостоятельно конституировать весь мир с нуля. Лишь у такого человека его понятийным миром не являлся бы *результат интерпретации уже интерпретированного другими людьми*, как у всех коммуницирующих людей, приобщенных к некоему общему социуму. Его понятийный мир оставался бы лишь *интерпретацией собственных интерпретаций в результате создания понятий на основе понятийных элементов, определенных им самим*.

² «Так как абсолютный максимум непременно содержит действительно все вещи, какие только могут быть вне какой бы то ни было противоположности, минимум совпадает с максимумом; равным образом максимум находится и над всяким утверждением, и над всяким отрицанием. Всё то, что мыслится несуществующим, есть и не есть в одинаковой степени. Но тогда всякий отдельный предмет оказывается бытием всех соединенных вместе вещей, и все собранные воедино вещи оказываются ничем, и то, что есть в максимуме, существует одновременно и в минимуме».

Коммуникация — в том числе и с самой собой — уничтожает подлинность мира, так как понятие коммуникации вновь переосмысливается и приобретает новую интерпретацию, т. е. по-новому определяется как таковое, притом что *«die Unterscheidung und Sonderung, die Fixierung gewisser Inhaltsmomente durch den Sprachlaut bezeichnet an ihnen nicht nur, sondern verleiht ihnen geradezu eine bestimmte gedankliche Qualität, kraft deren sie nun über die bloße Unmittelbarkeit der sogenannten sinnlichen Qualitäten erhoben sind. So wird die Sprache zu einem der geistigen Grundmittel, vermöge dessen sich für uns der Fortschritt von der bloßen Empfindungswelt zur Welt der Anschauung und Vorstellung vollzieht. Sie schließt im Keime bereits jene intellektuelle Arbeit in sich, die sich weiterhin in der Bildung des Begriffs, als wissenschaftlichen Begriffs, als bestimmter logischer Formenheit äußert»*³ [3, S. 99].

Подлинное бытие также не может сообщаться, ибо принятие иного определения неизбежно совершается на основе уже имеющегося определения понятия. Между понятийным миром объектов культуры и природы нет разницы в части конститутивной условности, так как граница мира культуры объемлет и область природы.

Интеллектуальная дискуссия разворачивается в рамках предшествующего понятийного определения и является результатом коммуникации, которая сводится к условной фиксации смыслового контекста на уровне словесных выражений, а «чтобы слово сохранило уровень, на котором было произнесено, у него должен быть способ существовать не только в истолковании» [4, с. 99], притом что *«3.13 Zum Satz gehört alles was zur Projektion gehört: nicht das Projizierte»*⁴ [5, S. 18]. Поиск истины, таким образом, представляется в виде монополизации смыслового контекста при помощи коммуникативных средств. Коммуникация выполняет «уравнивающую» эпистемологическую функцию. Посредством коммуникации передаются общие понятия, смысловые контексты и готовые установки. Благодаря коммуникации вырабатываются то общее мировоззрение, к которому мы приобщаемся обобщая.

Объективное знание (как, например, естественнонаучные положения) передается понятийными элементами, образующими основу для более простого отождествления предмета интерсубъективного внимания, чем в случае знания, не претендующего на объективную значимость. Ведь предмет объективного знания, обнаруживающийся благодаря общедоступным физическим свойствам, можно *наглядно указать*. Наглядность (прежде всего в виде зрительных образов, цветовых узоров, а также тактильных, звуковых или вкусовых свойств и т. п.) понятийного единства объективного знания, однако, не придает ему большей определенности по сравнению с понятийным единством субъективного знания.

В качестве иллюстрации неустранимой неопределенности внешнего физического предмета может служить вышеприведенный пример с непреодолимой сложностью точного определения границ поля зрения. Этот пример демонстрирует всеоб-

³ «Различение и обособление, фиксация известных моментов содержания с помощью звуков речи — это не только их обозначение, но и придание им определенного мыслимого качества, в силу которого они возвышаются над непосредственностью так называемых чувственных качеств. Язык становится основным средством духа, так как благодаря ему происходит наше прогрессивное движение от мира элементарных ощущений к миру созерцания и представления. Он уже в зародыше включает в себе интеллектуальный научный термин, формальное логическое единство. В нем сокрыто начало той общей функции разделения и соединения, которая далее находит сознательное выражение в анализе и синтезе научного мышления».

⁴ «3.13 Пропозиции принадлежит то, что принадлежит проекции; но не проецируемое».

щую текучесть любого определенного предмета знания. Любой предмет знания моментален, обладает неоднозначным контуром. Известной демонстрацией этого обстоятельства является изображение витгенштейновского утко-зайца (рис. 3).

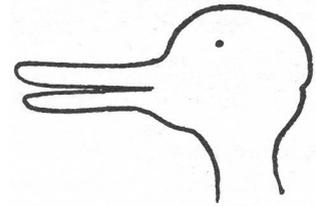

Рис. 3. Витгенштейновский утко-заяц [6]

Понятийный аппарат тяготеет к зрительному опыту, который является наиболее распространенным фоном коммуникации. Нам удобнее всего образовывать некую общую понятийную платформу на основе зрительных образцов. Поэтому мы прислушиваемся к фонограмме с большей уверенностью, чем к самому звуку, отраженному на фонограмме. По той же причине мы проверяем, холодно ли (тепло ли) *на самом деле*, посмотрев на указание термометра. Преобладание отражения (ср. слово «отражение» в языке) наталкивает на мысль о том, что нашим языком (т. е. языками, на которых люди *общаются*) является язык картинности мира. Эта мысль эксплицитно служила эпистемологической красной нитью в философии раннего Витгенштейна, а до этого имплицитно присутствовала в западной философии со времен античности и лежала в основе такого понятия, как «мировоззрение» (нем. «Weltanschauung»).

Можно предположить, что у существ, имеющих иные доминирующие восприятия, в основе формирования понятийного аппарата могли бы лежать соответственно и иные чувственные впечатления (звуковые, тактильные и др.).

Значит ли это, что объективное знание является зрительным отражением более адекватных понятийных основ, которые можно обнаружить под понятиями объективного знания? Можно ли на данных примерах сделать эпистемологический вывод о том, что субъективное знание примордиально по отношению к объективному знанию, что «*you would know in words that which you have always known in thought*»⁵ [7, p. 81]? Возможно ли реконструировать подлинное восприятие мира, не обременённое производными образцами, преодолевая стереотипность мира? Надежда найти положительный ответ на подобные вопросы связана с допущением неискоренимого влияния объективного знания на наш субъективный мир.

Мы можем, однако, осознать вездесущую стереотипность и неопределяемую интегрированность нашего понятийного мира, за которую мы, в отличие от физической картины мира, не можем *заглядывать* по той простой причине, что физический мир мы *видим* в перспективе, заданной миром понятийным. Подлинность мира несовместима с понятийным миром и, соответственно, заканчивается там, где наш мир начинается.

Непонятное начинается там, где нет понятий, а наш мир уже структурирован нашим понятийным аппаратом. Итак, чтобы попытаться понять непонятное, нужно расстаться с *пониманием*. Понимание — это преобразование непонятного в определенные понятия на основе уже понятого. Процесс приобретения нового знания, таким образом, подобен скользящему передвижению улитки, покрывающей свой путь собственной слизью. Мы даже не можем себе представить, как могло бы быть по-другому.

⁵ «Вы услышите в словах то, что всегда знали в мыслях».

Литература

1. *Spinoza B.* Tractatus de intellectus emendatione, et de via qua optime in veram rerum cognitionem dirigitur. London: Duckworth & Co., 1899. 392 p.
2. *Cusanus N.* Apologia doctae ignorantiae / ed. R. Klibansky. Lipsiae: Meiner, 1932. 51 p. (Opera omnia / Nicolai de Cusa, vol. 2).
3. *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. Band 1. Die Sprache. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2010. 330 S.
4. *Бибихин В. В.* Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
5. *Wittgenstein L.* Werkausgabe. Band 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 620 S.
6. *Chambers D., Reisberg D.* Can mental images be ambiguous? // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance.* 1985. Vol. 11, No. 3. P.317–328.
7. *Gibran K. G.* The Prophet. London: Collector's Library, 2011. 126 p.

Статья поступила в редакцию 3 сентября 2013 г.